

© 1995 г. Е.В. УРЫСОН

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И НАИВНАЯ "АНАТОМИЯ"*

Объект данного исследования - русские существительные, обозначающие некоторые фундаментальные способности человека; ср. *слух* - "способность слышать", *зрение* - "способность видеть", *память* - "способность запоминать, помнить и вспоминать", *ум, разум, рассудок, интеллект* - "способность думать и понимать", *воображение, фантазия* - "способность создавать мысленные образы" и др. Мы рассмотрим также слово *душа* в его основном значении и квазисинонимичную ему лексему¹ *сердце* - эти понятия имеют непосредственное отношение к фундаментальным способностям человека. Как будет показано ниже, эти существительные обладают одной, весьма яркой, особенностью поведения (тем самым, образуя лексикографический тип; см. [Апресян 1990]). Эту особенность мы объясняем спецификой их семантики, а именно - тем, что толкования данных слов обладают совершенно особой организацией. Цель предлагаемой работы - описать этот тип организации лексического значения. Мы начнем с квазисинонимов *душа* и *сердце*, а затем рассмотрим остальные слова из выбранного класса.

1. Душа и сердце имеют много общего². Во-первых, они представляются находящимися где-то внутри человека, в его теле, а именно - в груди. Во-вторых, с ними связано представление о каких-то особенных, происходящих внутри них, процессах; ср. *Что же происходило тогда в его душе? В сердце рождалась любовь*. Эти процессы ассоциируются с какими-то особыми функциями, которые выполняют душа и сердце. Тем самым, душа и сердце сближаются с обычными человеческими органами - легкими, печенью, мозгом и т.д., которые тоже находятся внутри человеческого тела и выполняют особые функции, обеспечивающие его жизнедеятельность. Однако душу - в отличие от, например, селезенки или желудка - нельзя увидеть ни при каких обстоятельствах: это не материальный, а представляемый орган. Тем не менее душа, подобно некоторым материальным органам, может болеть; ср. *Душа болит* - говоря так, имеют в виду специфическое физическое ощущение, локализованное в груди.

Автор докладывал предлагаемую работу на семинаре по логическому анализу и синтезу текстов (руководитель - Ю.Д. Апресян) в ИППИ РАН. Кроме того, описание многих рассматриваемых ниже слов обсуждалось на рабочих семинарах сектора теоретической семантики Института русского языка РАН (руководитель сектора - Ю.Д. Апресян), а лексикографическое описание синонимических рядов *душа* и *сердце, ум, разум, рассудок и интеллект* обсуждалось также на семинаре по логическому анализу естественного языка (руководитель - Н.Д. Арутюнова) в Институте языкознания РАН. Автор благодарит сотрудников сектора теоретической семантики и всех коллег, принимавших участие в дискуссиях. Особую благодарность автор приносит Ю.Д. Апресяну.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, инициативный проект 93-06-11050.

¹ В соответствии со словоупотреблением, сложившимся в Московской семантической школе, мы называем лексемой слово, рассматриваемое в одном из его (нескольких) значений.

² Предлагаемое описание этих лексем в большой степени опирается на работы А. Вежицкой (см. в частности, [Wierzbicka 1990; Wierzbicka 1992]), а также на словарную статью "Сердце" Л.Н. Иорданской в [ТКС 1984].

Такое высказывание часто сопровождается особым жестом - говорящий прижимает руки к груди, к тому месту, где он ощущает боль и где как бы находится душа. Такое высказывание может иметь и переносный смысл, ср. *Душа болит за него. Сердце* (как представляемый орган) тоже может болеть, но лишь в таком, переносном смысле; ср. *Сердце щемит: как она там одна!*

Каковы функции этих представляемых органов? В самом первом приближении можно говорить, что душа и сердце - это органы чувств. Душа и сердце являются также органами предчувствий, т.е. теми органами, с помощью которых человек может интуитивно постигать то, что произойдет в будущем, а также то, что было в прошлом или происходит в настоящий момент. Ср. *Я душой чувствую, что он вернется (что он был там; что он жив); Мне верится, что ты жив и отыщешься. Это мне подсказывает мое любящее сердце, и я доверяюсь его голосу* (Б. Пастернак. Доктор Живаго). Но эти представляемые органы имеют каждый еще и свои особые функции. Душа - это орган внутренней жизни человека, т.е. всего того, что не связано непосредственно ни с физиологией, ни с деятельностью интеллекта. Это средоточие внутреннего мира человека, его истинных чувств и желаний, т.е. того, что жизненно важно для данной личности. Ср. *В душе она хотела уйти; В глубине души он уже понимал, что им придется расстаться; Его душа была полна сомнений. Невозможно *В душе он хотел спать, *В душе она хотела чаю* - непосредственные физиологические потребности никак не ассоциируются с душой. Однако нормально *В душе он хотел одного - напиться и заснуть*, потому что здесь речь идет скорее о желании забыться, нежели о желании удовлетворить физиологические потребности как таковые. Плохо **Его душа была полна научных планов; *В глубине души он уже понимал, что в данной системе аксиом эта теорема недоказуема*. Ср. однако *В глубине души он уже понимал, что теорема недоказуема* - речь идет о чем-то, что является жизненно важным для субъекта, затрагивает его чувства.

Душа занимает совершенно уникальное место в человеке, в системе его "составных частей". Она отождествляется с личностью человека, с его внутренним "я", с его сущностью. Ср. *Какая высокая (низкая, мелкая) душа* Это самое ценное, что есть у человека, причем как с точки зрения наивной "анатомии", так и с точки зрения этики.

С первой точки зрения человек состоит из двух частей - души и тела, причем душа не материальна и не связана ни с каким человеческим органом. Она мыслится как некое невидимое средоточие жизни в человеке - это то, что, находясь внутри тела, делает человека живым. Чисто "анатомическое" представление о душе сохранилось в устойчивых выражениях *в чем душа держится, душу вытрясти* (из кого); ср. *Неизвестно, в чем душа держится, а все тянулось, жил* (И. Бунин. Сверчок)³.

С точки зрения этики душа является носителем некоего этического идеала, которому должна соответствовать, причем это соответствие ценится больше всех материальных благ. Поэтому душа может становиться объектом особой заботы человека, осознающего ее ценность. Ср. *Человеческий облик потерять страшно, Антон. Запачкать душу, ожесточиться* (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом). Душа не всегда соответствует предъявляемым ей высоким требованиям, однако под влиянием жизненных обстоятельств она может в той или иной степени приближаться к идеалу. Ср. *Душа не выстрадает счастья, I Но может выстрадать себя* (Ф.И. Тютчев. "Когда на то нет Божьего согласия"). Человек может прилагать сознательные усилия

³ Душа как орган жизни связана в первую очередь с дыханием; ср. *Он испустил последний вздох - душа отлетела от тела*. В современном языке сохранилось представление о связи души с другими процессами, локализованными в верхней части тела человека (но не с деятельностью сердца). Например, *Душа не принимает* (не могу есть или пить, часто - об алкогольных напитках). Ср. также примеры из прозы начала века: *Ел он страсть сколько: и колбасу, и бомбы шоколадные, и крендели, и слоенки - чего только его душа захочет* (И. Бунин. Ида); *Мучительно хочется чаю, - пожаловалась Рассудина. - Душа горит* (А.П. Чехов. Три года). В словаре В. Даля (статья "Душа") приводятся еще такие выражения: *На душе мутит, С души летит* - тошнит; *С души скинуло* - вырвало; *Душа меру знает* - о количестве того, что человек может съесть или выпить.

к тому, чтобы его душа соответствовала высоким этическим требованиям: *Не позволяй душе лениться / Чтоб воду в ступе не толочь, / Душа обязана трудиться / И день и ночь, и день и ночь* (Н. Заболоцкий. "Не позволяй душе лениться").

Этический и анатомический взгляды на душу тесно переплетаются. Бесплотная душа противопоставляется материальному телу, которое, сближая человека с животным миром, само по себе не представляет никакой этической ценности. Ср. *Ты любишь только мое тело, а не душу!* – горько сказала однажды Катя (И. Бунин. Митина любовь).

Несмотря на свою совершенно уникальную роль, душа все же может ощущаться как один из многих органов человека. Ср. *Если могли промерзнуть кости, мог промерзнуть и оупеть мозг, могла промерзнуть и душа* (В. Шаламов. Плотники)⁴.

Душа – то единственное в человеке, что является объектом особого философского размышления. С религиозной точки зрения душа связывает человека с высшим духовным началом – это тот орган, с помощью которого человек ощущает мистический, потусторонний мир. Ср. *Душа тянулась к Богу*. Тем самым еще более повышается ценность и души, и сознательных усилий человека, направленных на усовершенствование своей личности, ср. *спасать душу*. С этой же точки зрения смерти и распаду подвержено только материальное тело, а душа бессмертна. Она не зависит от тела и может существовать вне его. Подобно другим духовным сущностям душа обладает способностью передвигаться. Ср. *Он говорит, что когда человек умирает, его душа улетает из тела; В индийской религиозной философии возникло учение о переселении души*.

"Религиозный" аспект души как и все то, что является предметом веры, не предполагает единства взглядов. Поэтому одинаковы осмысленны следующие, противоречащие друг другу высказывания: *Но наука доказала, / Что душа не существует* (детские стихи; пример заимствован из книги [Wierzbicka 1992]) и *Бог – в небе, в непостижимой высоте и силе, в том непонятном синем, что вверху над нами, безгранично далеко от земли; это вошло в меня с самых первых дней моих, равно как и то, что, невзирая на смерть, у каждого из нас есть где-то в груди душа и что душа эта бессмертна* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

В отличие от души, сердце представляется лишь органом чувств и связанных с ними желаний человека, но не его внутренней жизни в целом. Ср. *Ее сердце было полно страха {злости, любви, ненависти, радости}; В сердце рождалась обида (зависть); Он хотел этого всем сердцем*. Невозможно **Ее сердце было полно сомнений, *В глубине сердца он уже понимал, что им придется расстаться*, потому что сомнения и понимание чего-л. не являются чувствами. Чувства, органом которых является сердце, в гораздо большей степени, нежели чувства, ассоциируемые с душой, представляются не зависящими от конкретных внешних обстоятельств: они возникают как бы сами по себе, причем в их возникновении и развитии мала роль интеллектуальной оценки. Поэтому плохо **В сердце рождалось удивление (огорчение), *В сердце рождался испуг*: удивление, огорчение, испуг предполагают, что существует нечто конкретное, что удивляет, огорчает или путает субъекта. Невозможно также **В сердце рождалась боязнь показаться смешным*: боязнь выглядеть не так, как нужно, – это чувство, в котором велика доля интеллектуальной оценки. Тем самым, сердце связано с наиболее природной, стихийной частью внутреннего мира человека. С другой стороны, сердце связано с наиболее интимной стороной личности – это орган любви к человеку противоположного пола. Ср. *Ее сердце еще не знало любви, Он таил это чувство в глубине сердца*.

В отличие от души, сердце связано с материальным органом – с центральным органом кровообращения, находящимся в левой стороне груди. Представляемый орган эмоциональной жизни наделяется свойствами этого материального сердца. Сердце как

⁴ Противоположной точки зрения придерживается А. Вежбицка [Wierzbicka 1992].

вместилище чувств ассоциируется с кровью, ср. *При этой мысли у меня сердце обливается кровью, Эти стихи написаны кровью сердца*. У органа чувств как бы есть определенное место, ср. *Положа руку на сердце, я его не люблю; Горькая нежность поднялась к сердцу мастера* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Ср. также следующие примеры, где сливаются два значения этого слова: *Пустое сердце бьется ровно, I В руке не дрогнул пистолет* (М.Ю. Лермонтов. Смерть Поэта); *Мое ничтожное сердце рвалось из-под шерстяной гимнастерки: меня! меня! меня назначь!* (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ).

Ограничимся этим, эскизным описанием лексем *душа* и *сердце* - оно вполне достаточно для того, чтобы сделать ряд существенных выводов⁵.

В соответствии с той обыденной картиной мира, в основе которой лежат всем известные начатки естественных наук, внутри человеческого тела имеются различные - материальные - органы и с ними ассоциируются различные, тоже материальные, процессы, протекающие внутри человеческого тела. Что касается чувств и желаний человека, то это особая сфера, которая может лишь косвенно связываться с анатомией и физиологией.

С точки зрения наивной картины мира, представленной в русском языке, человек устроен совершенно иначе. Во-первых, внутри человеческого тела имеются подобные органам, но нематериальные сущности, которые нельзя увидеть ни при каких обстоятельствах. Такие сущности можно назвать представляемыми органами (пример такого органа - душа). Во-вторых, психические процессы, подобно материальным, связаны с определенными органами внутри тела. Эти органы могут быть представляемыми или материальными (пример такого материального органа - сердце).

Иными словами, наивная "анатомия" отличается от привычных нам представлений о человеке как минимум в двух пунктах. Это, во-первых, перечень органов, и, во-вторых, их функции. В перечень органов наивной "анатомии" могут входить органы двух типов: нематериальные, представляемые органы и обычные, материальные органы, которым приписываются особые функции, имеющие отношение к психике человека. Пример органа второго типа - сердце: реальному органу кровообращения приписывается функция органа чувств.

Теперь сделаем еще один шаг. Рассмотрим следующие примеры: *У него совершенно нет души, У него нет сердца; Если у него есть сердце, он придет*. В этих контекстах слова *душа* и *сердце* обозначают не представляемый орган, а скорее ту способность (точнее - некоторые из тех способностей), которую данный орган воплощает. В самом общем виде это способность сострадать, отзывчивость. Естественно считать, что в этих примерах представлены особые значения слов *душа* и *сердце*. Иными словами, мы имеем здесь дело с многозначностью "представляемый орган" - "соответствующая способность". (Именно такую полисемию усматривает в слове *сердце* [Словарь Ушакова].)

Отметим этот тип многозначности. Дело в том, что большинство других существительных, обозначающих фундаментальные способности человека, демонстрируют

- Мы отвлеклись, в частности, от того, что душа и сердце человека представляются не только как место неких особых процессов, но и как своего рода вместилища чувств, т.е. как нечто само по себе статичное. Ср. *Ее душа пуста, Ее сердце никем не занято (пусто), Его душу (его сердце) переполняла радость*. При этом сильные, неподвластные человеку чувства как бы приходят в душу и в сердце извне. Ср. *Душу (сердце) охватила печаль; В душу закрадывался страх; В сердце его запал страх и отчаяние* (М. Булгаков. Белая гвардия). Однако с душой ассоциируются все процессы, создающие внутреннюю жизнь человека. В частности, с душой, но не с сердцем связано представление о внутренней речи. Ср. *В душе он умолял ее остаться* (связь души с внутренней речью отмечается, в частности, А. Вежицкой, см. [Wierzbicka 1990]). Ср. также *Я говорю сейчас словами теми. I Что только раз рождаются в душе* (А. Ахматова. Вечерняя комната). Процессы, происходящие в сердце, связаны в основном с возникновением, зарождением того или иного чувства, ср. *В сердце рождалась любовь, Надежда вспыхнула в сердце Иды* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Подробнее о лексемах *душа* и *сердце* смотри наше описание этих квазисинонимов в [Синонимический словарь 1994].

совершенно иной тип организации подобной семантики. Начнем наш анализ со слова *ум* в его основном значении.

2. Является ли *ум* представляемым органом, подобным душе и сердцу? На первый взгляд кажется, что нет: *ум* – это некоторая способность, а именно — способность думать и понимать. Ср. *Он совсем ума лишился* (лишился способности); *На это у него ума не хватит*; *Природа наделила ее и умом, и красотой*; *Меня смущала ее спокойная деловитость, ум, то, что всегда во всем права была она* (Б. Зайцев. Изгнание).

Однако в некоторых контекстах слово *ум* обозначает не способность, а нечто иное. Ср. *Умом Россию не понять* – как *увидеть {своими} глазами, услышать {своими} ушами*; *Ее ум ничем не занят* – как *Ее душа пуста*; *Странная мысль мелькнула в его уме* – как *В сердце рождалась любовь*. Как интерпретировать подобные высказывания?

На наш взгляд, *ум* предстает здесь как орган мышления. Следующие примеры подтверждают наше предположение: *Кто меня враждебной властью / Из ничтожества воззвал, / Душу мне наполнил страстью, / Ум сомнением взволновал* (А.С. Пушкин, "Дар напрасный, дар случайный"); *Цели нет передо мною, / Сердце, пусто, празден ум* (А.С. Пушкин. "Дар напрасный, дар случайный"). (Возможно, эти примеры несколько отклоняются от современной нормы, но это свидетельствует лишь о том, что в поэтическом языке 19 века представление об *уме* как органе было более обычным, нежели теперь.)

Ум имеет определенную локализацию. Он представляется находящимся где-то в верхней части головы человека, в области лба и висков. Говоря, что кто-то лишился ума (или *повредился в уме*), говорящий может постучать себя согнутым указательным пальцем по середине лба или же как бы вкручивать прямой указательный палец в висок. Последний жест имеет специальное название: *покрутить пальцем около виска*. Оба жеста могут употребляться без всяких слов как замена соответствующих высказываний. Наличие локализации – еще одно свидетельство в пользу того, что *ум* может представляться как некий орган.

Есть глубокое различие между *умом* как органом с одной стороны и душой и сердцем — с другой: с *умом* не ассоциируются никакие физические (в частности, болевые) ощущения. Возможно благодаря этому слово *ум* воспринимается прежде всего как обозначение способности. Все же *ум* подобно обычным человеческим органам, может мыслиться какместилище чего-либо; ср. *держат в уме*; *Странное подозрение возникло в его уме*. Правда, *ум* (даже какместилище) не представляется чем-то достаточно компактным, имеющим четкие границы. Это отделяет *ум* от обычных органов. (Отметим, что душа мыслится как нечто, хотя и невидимое, но вполне четко очерченное; поэтому следующее высказывание совершенно нормально: *Он душу младую в объятиях нес* (М.Ю. Лермонтов, Демон).)

Итак, с *умом* связывается двойственное представление: это и некоторая способность, и представляемый орган, ее воплощающий⁶. Можно сказать, что в этом слове на фоне значения способности просвечивает значение органа. Может быть, мы имеем дело с разными значениями слова *ум*! Положительный ответ на этот вопрос дает совершенно антиинтуитивное описание. Естественно истолковать слово *ум* в данном его значении так (упрощенно): *ум* ~ "способность человека думать и понимать или нечто представляемое, подобное органу, с помощью которого человек думает и понимает".

Сосредоточимся на этом толковании. Оно имеет следующую схему: "способность человека [что-то делать] или нечто представляемое, подобное органу [с помощью

⁶ Наше описание лексемы *ум* отличается не только от общепринятых описаний, но и от анализа А. Вежицкой, которая не усматривает в семантике этого слова представления о некоем органе. В этом, по мнению А. Вежицкой, состоит различие между русск. *ум* и англ. *mind* – английское существительное обозначает представляемый орган, сближаясь тем самым с русским словом *душа* (см. [Wierzbicka 1992]).

которого человек это делает]". Что представляет собой элемент "или" в этом толковании?

Компонент "или" здесь - это не логическая дизъюнкция, а русский союз *или* в его центральном значении. В соответствии с описанием В.З. Санникова [Санников 1989], союз *или* выражает неопределенность, неточное знание. А именно (с некоторым упрощением): $X \text{ или } Y \sim \text{"возможно } X, \text{ возможно } Y\text{"}$ [Санников 1989: 104]. Возвращаясь к нашему случаю, *ум* - это "возможно способность, возможно орган". Тем самым, значение слова *ум* диффузно, неопределенно⁷. В конкретном высказывании реализуется та часть значения лексемы, которая семантически согласуется с контекстом⁸. По-видимому, есть и такие случаи, когда можно говорить о реализации любого компонента значения, ср. *Меня поразил его ум*.

Существенно, что рассматриваемые компоненты значения неравноправны: значение органа находится где-то на заднем плане лексемы. Поэтому гиперонимом к данному слову является слово *способность*; ср. *Ум - это способность человека думать*, но невозможно **Ум - это такой орган, он находится где-то в голове*. Как отразить это неравноправие компонентов в толковании?

Говоря, что гиперонимом к слову *ум* является слово *способность*, мы просто констатируем тот факт, что современный носитель русского языка таким образом представляет *ум*. Соответствующую информацию мы предлагаем непосредственно вписать в толкование в виде специального компонента: "желая объяснить, что такое *ум*, мы говорим, что это способность думать и понимать". Итак, огрубленное толкование слова *ум* (в данном его значении) выглядит так: $ум \sim \text{"способность человека думать и понимать или представляемый орган, с помощью которого человек думает и понимает; желая объяснить, что такое ум, мы говорим, что это способность"}$.

Обратим внимание на то, что последний компонент толкования имеет совершенно особый статус: он отражает только языковое сознание носителей языка, но не их языковое поведение. Иными словами, мы имеем дело с достаточно экзотической ситуацией, когда языковое сознание носителей языка расходится с их языковым поведением. Вопрос о причинах такого несоответствия будет обсуждаться ниже. Сейчас сосредоточимся на основной части схемы толкования.

Специального комментария заслуживает еще один ее компонент, а именно - "способность". В контекстах типа *способность человека думать и понимать* существительное *способность* - это, очевидно, синтаксический дериват от краткого прилагательного *способен*, или, на языке лексических функций И.А. Мельчука (см. [Мельчук 1974], *способность* = S_0 (*способен*)). Ср. естественное перифразирование: *Человек способен думать и понимать* - *Человек обладает способностью думать и понимать*. Тем самым, значение данной лексемы *способность* совпадает (с точностью до категориальной семантики) со значением краткого прилагательного *способен*. Рассматриваемая лексема *способность* находится отнюдь не на периферии языка. Примеры: *Способность насекомых воспринимать такие колебания была доказана экспериментально*; *Некоторые настолько втягивались в зубрежку, что утрачивали всякую способность отвечать "своими словами"* (Мамин-Сибиряк, пример из [БАС]); *Радостное известие обладает способностью распространяться с удивительной быстротой* (пример из [БАС]). Рассмотрим теперь предикат *способен*. Он, очевидно, обозначает т.н. устойчивое состояние (по классификации Е.В. Падучевой (см. [Падучева 1985: 221])). Но тогда лексема *способность* как синтаксический дериват от *способ-*

⁷ В дальнейшем для краткости будем последний компонент схемы обозначать просто: "представляемый орган".

⁸ Этим слово *ум* отличается от слов с включительно-дизъюнктивной организацией значения, описанных Ю.Д. Апресяном (см. [Апресян 1974: 84]). Последние тоже содержат в своем толковании компонент "или", но он представляет собой логическую дизъюнкцию.

⁹ О семантическом согласовании см. [Апресян 1974: 74].

бен тоже обозначает устойчивое состояние. Это важно помнить потому, что слово *способность* неоднозначно. Одно из других его значений представлено, например, в высказывании *Он напрягал все свои способности*. Ясно, что *способности* в этом примере - это не "устойчивое состояние", а нечто совершенно иное. (Такое значение слова *способность* будет рассматриваться ниже).

Мы проанализировали схему толкования слова *ум* в его основном значении. Наша гипотеза состоит в том, что существительные, обозначающие фундаментальные способности человека, обладают той же диффузной организацией значения, что и данная лексема *ум*, причем практически во всех случаях языковое поведение носителей языка расходится с их языковым сознанием. Иными словами, мы полагаем, что толкования рассматриваемых лексем организованы по следующей схеме:

X - "способность человека Р или представляемый орган, благодаря которому человек способен Р; желая объяснить, что такое X, мы говорим, что это способность".

Проверим эту гипотезу. Ограничимся сначала основной частью схемы.

3. *Разум* и *рассудок* - ближайшие синонимы лексемы *ум*. Поведение их тоже двойственно: в одних контекстах *разум* и *рассудок* выступают как обозначение способности, в других - как обозначение некоего органа. Ср. *Я лишаюсь разума (рассудка), когда начинаю об этом думать* (лишаюсь способности, ср. *Я лишаюсь способности вообще что-либо понимать, когда пытаюсь в этом разобраться*); но *Ее разум (рассудок) не выдержал этого* - как *Сердце* [реальный орган] *не выдержало*; *Мой разум (рассудок) отказывается это понимать* - как *Желудок отказывается принимать такую пищу*. Эту двойственность лексем *разум* и *рассудок* мы объясняем тем, что их значения диффузны: в толковании каждой лексемы совмещаются компоненты "способность" и "орган"¹⁰.

4. Слово *память* в его основном значении, подобно лексемам *ум*, *разум* и *рассудок*, всеми толковыми словарями толкуется как "способность": *память* ~ "способность человека запоминать, помнить и вспоминать". Исключение представляет собой [ТКС 1984], где эта лексема толкуется следующим образом: *память X-а на Z* [*память Пети на лица*] - "специальное устройство внутри организма X-а, воплощающее способность X-а запоминать, помнить и вспоминать Z". Толкование из [ТКС 1984] дает семантическое объяснение "нелогичной" сочетаемости лексемы *память*. Действительно, в большинстве сочетаний *память* предстает как обозначение чего-то функционирующего, некоего воображаемого устройства, некоего представляемого органа; ср. *перегружать память*, *развивать (тренировать) память*, *хранить(ся) в памяти*, *оставаться в памяти*, *откладываться в памяти*, *отпечатываться (запечатлеваться) в памяти*, *врезаться в память*, *изглаживаться из памяти*, *стираться в памяти*, *возникать (всплывать) в памяти*, *перебирать в памяти*, *вычеркивать из памяти*, *Память слабеет*.

Существенно, что этот воображаемый орган в ряде отношений напоминает вместилище (ср. *откладывать в памяти*, *хранить в памяти*), что увеличивает сходство памяти с некоторыми обычными человеческими органами (которые тоже могут быть полыми, ср., например, желудок, легкие). Есть еще некоторые особенности, которые сближают память с обычными органами. Это, во-первых, представление о том, что память можно напрягать, подобно, например, мышце; ср. *усилие памяти*, *напрягать память*. Во-вторых, это представление (отчасти противоречащее первому) о том, что память может функционировать независимо от воли субъекта. Ср. *В памяти непрошено возникают (всплывают) образы далекого прошлого*; *Не в меру услужливая память разворачивала картины прошлого* и т.п.

¹⁰ Синонимы *ум*, *разум* и *рассудок* описывают разные аспекты данной способности (органа). Тонкие семантические различия между этими синонимами, а также отличие этих трех лексем от лексемы *интеллект* подробно описаны нами в [Синонимический словарь 1994].

С памятью связывается и представление о локализации, впрочем, не столь четко выраженное, как в случае души и ума; все же мы знаем, что память находится где-то в голове¹¹. Правда, с памятью не связываются никакие физические, в частности - болевые, ощущения, а именно они в первую очередь свидетельствуют о "невыдуманности", реальности органа. (Вспомним, что душа как раз может болеть.) В целом лексема *память* очень напоминает обозначения обычных органов, и это прекрасно отражает словарная статья в [ТКС 1984].

Тем не менее обсуждаемое толкование лексемы *память* не совсем удовлетворительно: в некоторых сочетаниях это слово предстает как обозначение не органа, а способности; ср. *терять память* (*Он теряет память*), *лишаться памяти*. *Память возвращается* (*Временами память возвращалась к ней, но потом она опять все забывала*). При этом, некоторые примеры не допускают вполне однозначной интерпретации, ср. *Меня удивила ее память*. С нашей точки зрения, значение лексемы *память* диффузно, и его организация соответствует предложенной выше схеме. Интересно, что большинство толковых словарей с одной стороны и [ТКС 1984] с другой отразили в своих толкованиях разные аспекты значения этой лексемы.

5. Слово *совесть*¹² в самом первом приближении можно истолковать так: "способность человека оценивать с нравственной точки зрения свои действия, мысли и чувства и глубоко переживать, если они не соответствуют нравственным нормам, вследствие чего менять свои действия, мысли и чувства так, чтобы они этим нормам соответствовали".

С совестью связывается весьма яркое представление о чем-то, что функционирует внутри человека: совесть активно действует независимо от воли субъекта; ср. *Совесть подсказывает*, *Совесть велит*, *Совесть заставляет*. *Совесть не пускает*, *Совесть мучит*, *Совесть не дает спать по ночам*; ср. также *разбудить совесть*, *Совесть проснулась* (*заговорила*) (в ком) и т.д. Правда, совесть не мыслится ни как вместительше, ни как нечто компактное. Представление о локализации совести не очень четко - она помещается где-то рядом с душой (во всяком случае, не в голове). Тем не менее, в целом совесть очень напоминает человеческий орган. Правда, этот орган коренным образом отличается от других, реальных или представляемых органов: совесть необходима не столько для жизнедеятельности самого субъекта, сколько для нормального существования окружающих его людей.

В целом, слово *совесть* вполне аналогично лексемам, рассматривавшимся выше: обозначая определенную человеческую способность, оно предстает и как обозначение органа. Мы объясняем это тем, что значение лексемы *совесть* диффузно: "способность... или представляемый орган...".

6. Близкие синонимы *воображение* и *фантазия* обозначают способность человека создавать мысленные образы¹³. Оказывается, что в этих синонимах тоже просвечивает представление о некоей "вещи", которая определенным образом функционирует внутри человека, причем часто независимо от его воли. Ср. следующие примеры: *Воображение создает все новые и новые образы*, *Воображение рисует другую жизнь*, *Воображение работает*; *Фантазия работает*, *Фантазия создает причудливые образы*; ср. также *будоражить воображение*, *подхлестывать воображение*, *стимулировать воображение*; *плод воображения*, *плод фантазии*; *необузданная фантазия*.

В лексеме *воображение* представление о такой "вещи" просвечивает в несколько большей степени. Ср. следующие примеры из художественной литературы: *Когда*

¹¹ На более точную локализацию памяти указывает особый жест, который называется "хлопнуть себя по голове (по лбу)". Такой жест обычно сопровождает высказывания типа *Ключи забыла*!, *Совсем забыла, что у нее сегодня день рождения*! - говорящий как бы "хватается за память". (Благодарим за это замечание Г.Е. Крейдлина).

¹² Эта лексема под несколько иным углом зрения рассматривается также в работе [Апресян 1995].

¹³ Тонкие семантические различия между синонимами *воображение* и *фантазия* описаны нами в [Словарь 1994].

воображение уставало и работа задерживалась, он подхлестывал их \мысли\ рисунками на полях (Б. Пастернак. Доктор Живаго); Он спрашивал, и за каждым Лариным ответом у него падало сердце, словно он летел в пропасть. Его израненное воображение не поспевало за новыми открытиями (Б. Пастернак. Доктор Живаго) [обратим внимание на израненное воображение - о воображении здесь говорится так, как говорят о части тела]; Скрипки I еще по Старой памяти волнуют I Мое воображение (И. Бродский. Элегия). Аналогичный пример со словом фантазия с точки зрения современного русского языка выглядит существенно более натянутым; ср. Чувствуешь, что она, наконец, устает, истощается в вечном напряжении, эта неистощимая фантазия (Ф.М. Достоевский. Белые ночи [выделено Достоевским]).

Все же даже в слове воображение представление о чем-то подобном органу просвечивает в относительно небольшой степени. Действительно, ни с ним, ни с его синонимом не связываются представления о вместилище (возможно, правда, в воображении) или о компактности. Представление о локализации воображения и фантазии довольно нечетко - мы знаем, что они находятся где-то в голове (возможно - там же, где и ум), но, разумеется, не в груди. Ни с воображением, ни с фантазией не связываются никакие физические ощущения.

Тем не менее, на наш взгляд, полные толкования лексем воображение и фантазия должны отражать тот факт, что во многих контекстах эти слова, подобно другим обозначениям фундаментальных способностей человека, выступают как обозначения чего-то подобного органу. Мы предлагаем толковать эти лексемы в соответствии с предложенной выше схемой "способность... или представляемый орган...".

7. До сих пор мы анализировали существительные, отражающие психическую деятельность человека. Рассмотрим теперь две лексемы, отражающие восприятие: слух и зрение.

Лексема слух безусловно обозначает способность слышать. Соответствующее толкование адекватно описывает поведение этого слова в большинстве привычных нам контекстов; ср. орган слуха; Она теряет слух, После болезни слух долго не восстанавливался, У мальчика понижен слух.

Однако в более ограниченном круге контекстов слово слух обозначает не способность, а что-то как бы предметное: слух предстает как нечто, подобное внутреннему органу, с помощью которого человек воспринимает звуки. Ср. Жадным слухом ловили каждый звук унылой песни (А. Печерский, пример из [БАС]); Волнуемый воспоминаниями, я забылся - Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух (М.Ю. Лермонтов. Тамань); До чрезвычайно обострившегося слуха фининспектора вдруг донеслась отчетливая милицмейская трель (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Приведенные примеры носят книжный характер, но тем не менее абсолютно стандартны. Можно привести менее стандартные, но еще более яркие примеры: Митя, весь дрожа, впился в темному и глазами, и слухом (И. Бунин. Митина любовь); Но равнодушно и спокойно I Руками я замкнула слух (А. Ахматова. "Мне голос был. Он звал утешно...").

Интуитивно ясно, что во всех приведенных примерах мы имеем дело не с разными лексемами, а с одним и тем же значением слова слух. В соответствии с нашей гипотезой это значение диффузно: "способность... или представляемый орган...".

Представление об органе в слове слух выражено в гораздо меньшей степени, чем, например, в лексеме память или даже в лексеме ум. Дело в том, что слух не мыслится ни как вместилище, ни даже как нечто компактное. Он не ассоциируется ни с какими физическими, в частности - болевыми, ощущениями (ср., впрочем, переносные выражения ласкать (терзать) слух). Правда, мы можем достаточно определенно судить о локализации слуха: у человека есть реальный, материальный орган восприятия звуков - уши, и слух помещается где-то в самой их глубине.

Лексема слух как обозначение органа отмечена стилистически - это принадлежность исключительно книжной речи. На наш взгляд, "стилистическое неравноправие"

компонентов значения свидетельствует о глубинном семантическом процессе: слово *слух* постепенно утрачивает часть своего диффузного значения, а именно - компонент "представляемый орган...". Отодвигаясь на задний план лексемы, он реализуется лишь в стилистически отмеченных контекстах. Наша гипотеза подтверждается данными языка А.С. Пушкина. Ср. следующие примеры, свидетельствующие о том, что еще в его поэзии слово *слух* как обозначение органа было вполне обычным: *Так точно старый инвалид / Охотно клонит слух прилежный / Рассказам юных усачей* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин); ср. также сочетание *шум в слухе* (как *шум (звон) в ушах*): *Приподнялася грудь, ланиты / Мгновенным пламенем покрыты, / Дыханье замерло в устах, / И в слухе шум, и блеск в очах* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин).

8. Лексема *зрение* бесспорно обозначает способность видеть; ср. *орган зрения*, *Он теряет зрение*, *Зрение постепенно восстанавливается*. Есть ли в семантике этой лексемы представление о чем-то подобном органу? В пользу этого предположения можно привести очень мало фактов. Это словосочетания *физиология зрения* (ср. *Он изучает физиологию зрения каких-то рыб*) и *воспринимать зрением* (ср. *Насекомые воспринимают такую информацию зрением*). Действительно, термин *физиология* предполагает функционирование некоторого органа, а его в данном случае может обозначать только слово *зрение*. Сочетание *воспринимать зрением* интерпретируется естественным образом лишь в том случае, если согласиться, что слово *зрение* в этом контексте обозначает нечто вроде органа. Ср. также следующий, устаревший пример: *Не утаится Град от зрения людского / Стоя на горней высоте* (Ф.И. Тютчев. 11 мая 1869). Показательны также сочетания *боковое зрение* и *внутреннее зрение*: они могут вести себя как обозначения органов. Ср. *Боковым зрением он увидел нож, уже занесенный для удара; Каким-то внутренним зрением он увидел, что она ждет его* [ср. *увидел глазами*].

Правоммерно ли делать какие-либо выводы о слове на основании такого небольшого числа контекстов? В данном случае - да, поскольку сочетаемость лексемы *зрение* хорошо согласуется с реконструируемой системой. Поэтому мы полагаем, что в семантике лексемы *зрение* в определенной степени просвечивает представление о чем-то подобном органу.

Правда, представление об органе в лексеме *зрение* выражено в очень слабой степени: неслучайно оно закреплено за столь небольшим количеством полусвободных сочетаний. Зрение не мыслится ни как вместилище, ни как нечто компактное. Оно безусловно не ассоциируется ни с какими физическими ощущениями. Локализовано зрение, скорее всего, где-то внутри глаз, возможно - за глазами. Впрочем, судить об этом мы можем лишь потому, что у нас есть реальный орган зрения - глаза и ясно, что зрение связано с ними теснейшим образом.

9. В следующих трех лексемах представление об органе выражено в очень незначительной степени - как бы едва мерцает. Это слово *воля* и два малоупотребительных гиперонима - *способности* (ср. *слух, зрение, память и другие способности человека*) и *чувства* (ср. *органы чувств*).

Воля - это способность человека добиваться осуществления поставленных перед собой целей¹⁴. В семантике этой лексемы намечено и представление о некоей "невидимой вещи". Действительно, *волю* можно *напрягать*, ср. *напряжением воли* {сделал что-л.}, *усилие воли*. В [Словарь Ушакова] дается такой пример на слово *воля*: *Деятельность воли не зависит от внешних условий*. Высказывания этого типа подтверждают нашу гипотезу.

Лексема *способности* подобно своим гипонимам обозначает "устойчивое состояние": *способности ~ S_i {способен воспринимать, думать, понимать, помнить}*. Однако значение этого гиперонима не исчерпывается подобным толкованием. Действительно,

¹⁴ Слово *воля* рассматривается также в работе [Апресян 1995].

способности можно напрягать, ср. *Он напрягал все свои способности, но не мог уловить никакой закономерности в этом хаосе*. Подобные высказывания можно интерпретировать естественным образом, если признать, что данная лексема *способности* обозначает и нечто вроде органа. В соответствии с нашей гипотезой гипероним *способности* имеет такое же диффузное значение, что и его гипонимы, а именно: *способности* ~ "способность воспринимать, думать, понимать, помнить или нечто представляемое, подобное органу, благодаря которому человек обладает этой способностью". Напомним, что компонент "способность" в толковании – это семантическое представление лексемы *способность I*, которая представляет собой синтаксический дериват от краткого прилагательного *способен* (т.е. S_0 (*способен*)). Тем самым, рассматриваемая лексема *способность 2* толкуется через лексему *способность I* по предложенной выше схеме.

Чувства – это родовое слово для лексем *зрение, слух, вкус, осязание и обоняние*. Подобно своим гипонимам *слух и зрение*, данная лексема может обозначать и нечто функционирующее, нечто подобное органу; ср. *Все его чувства были напряжены до предела; У людей никогда не действуют одновременно с полной напряженностью все пять человеческих чувств* (В. Шаламов. Хлеб). В соответствии с нашим описанием гипероним *чувства* обладает таким же диффузным значением, что и его гипонимы *слух и зрение*.

Что касается остальных его гипонимов – *обоняние, осязание и вкус*, – то в них представление о чем-то подобном органу как будто отсутствует; тем не менее и эти лексемы подравниваются под данный лексикографический тип. Ср. *В это время обоняние мое уловило запах дыма*. (В.К. Арсеньев. Дерсу Узала; пример из [БАС]). *Осязание участвует в восприятии организмом величины, формы и характера поверхности предметов внешнего мира* (Энциклопедический словарь. Т. 1-2. М., БСЭ, 1954; статья "Осязание"). Пример, аналогичный последнему, можно сконструировать и для слова *вкус*.

10. Разбирая отдельные лексемы, мы видели, что представление о некоем органе может быть выражено в семантике слова в большей или меньшей степени. Рассмотрим более систематично, чем это обусловлено. Данный вопрос тесно связан с типологией представляемых органов.

С одной стороны, представление об органе тем ярче, чем больше сочетаний, допускающих только "анатомическую" интерпретацию, образует данная лексема. Именно поэтому с лексемой *память* связывается весьма яркое представление об органе, а в лексеме *ум* это представление выражено гораздо слабее.

С другой стороны, представляемый орган тем реальней, чем больше похож он на обычный, материальный орган. Выше мы выявили, в чем заключается это сходство, для каждого представляемого органа. Приведем теперь список этих черт: 1) функция; 2) физические, в частности – болевые, ощущения; 3) возможность мыслиться какместилище; 4) компактность; 5) относительно точная локализация; 6) функционирование независимо от воли субъекта; 7) контролируемость субъектом¹⁵.

Оказывается, что один из представляемых органов обладает всеми признаками обычного, материального органа. Это душа. Уникальность этого органа обусловлена еще и тем, что он совмещает в себе признаки, несовместимые в обычных органах – контролируемость и неконтролируемость субъектом (ср. признаки (6) и (7)). Действительно, с одной стороны, душа живет своей, совершенно особой жизнью, вообще говоря, неподвластной воле субъекта; ср. *Думала – увижу его и обрадуюсь, а в душе не осталось ничего, кроме горечи*. С другой стороны, жизнь души может отчасти контролироваться человеком; ср. *Не позволяй душе лениться*.

¹⁵ Отметим, что с точки зрения обычной анатомии признаки (6) и (7) едва ли совместимы друг с другом: большинство обычных внутренних органов в норме функционирует независимо от воли субъекта (ср. желудок, печень) и лишь некоторые, специфические органы в норме функционируют не сами по себе, а подчиняясь воле человека (ср. мышцы). Но для представляемых органов это не так (ср., например, *память*).

На другом полюсе находятся воля, способности и чувства ("способность воспринимать") - с видимыми, материальными органами их роднят лишь две черты: наличие особой функции и контролируемость субъектом (ср. *напрягать волю (способности, чувства)*). Волю, способности и чувства можно сравнить с обычными мышцами, которые, кстати, по относительной простоте устройства и по характеру функционирования тоже образуют особый класс органов.

Остальные представляемые органы находятся между этими двумя полюсами. Зрение и слух примыкая к последнему, нижнему полюсу, все же имеют чуть больше сходства с обычными органами, поскольку характеризуются довольно точной локализацией. При этом слух представляется похожим на орган больше, нежели зрение. — главным образом, потому, что лексема *слух* образует гораздо больше сочетаний, которые допускают только "анатомическую" интерпретацию. Еще ближе к обычным органам воображение - с обычными органами его сближают не только признаки "локализация" и "контролируемость", но и признак "функционирование независимо от воли субъекта". Далее по степени приближения к обычным органам следуют ум, разум, рассудок; совесть; память¹⁶.

Типология представляемых органов - это лишь фрагмент наивной "анатомии" человека. Полное ее описание включает в себя иерархию реальных и представляемых органов (ср. совершенно уникальную роль души), а также выявление их взаимосвязей (так, разум и рассудок призваны контролировать сердце как орган чувств; совесть контролирует и направляет желания человека и все с ними связанное: деятельность интеллекта, в частности - выбор цели, деятельность воображения и др.). Такое описание наивной анатомии выходит далеко за рамки предлагаемой работы. Ограничимся общей характеристикой той картины мира, которая отражается в рассматриваемой группе слов.

Эта картина поражает прежде всего своей простотой и логичностью. В соответствии с ней психические процессы (включая восприятие) вполне аналогичны материальным процессам внутри человеческого тела: всякая способность человека - это функция какого-то органа, причем набор функций каждого органа достаточно невелик. Например, если человек может запоминать, помнить и вспоминать, то значит, внутри него есть невидимый орган, который и обеспечивает данную способность. С этой точки зрения понятно, почему в некоторых случаях представляемый орган "дублирует" реальный, видимый орган, ср. слух и уши. Действительно, уши могут быть и совершенно глухого человека и, следовательно, есть что-то еще, благодаря чему человек обладает способностью слышать - это невидимый внутренний орган - слух.

Попытаемся теперь ответить на один принципиальный вопрос: что отражает эта наивная анатомия? Иными словами, что отражают предлагаемые толкования выбранных слов? Какая языковая реальность стоит за обсуждаемой схемой диффузного значения лексемы?

Можно думать, что представление об органе как о "воплощении" той или иной фундаментальной способности человека - это одна из стершихся метафор, лежащих в основе нашей обыденной понятийной системы. Такой подход полностью лежит в русле работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff - Johnson 1980], объясняющей многие фундаментальные особенности человеческой речи. Ср. хотя бы приводимую в [Lakoff - Johnson 1980] интерпретацию высказываний типа *My mind just isn't operating today* (букв. "У меня ум просто не работает сегодня") - это проявление метафоры *MIND IS A MACHINE* (букв. "Ум - это устройство").

¹⁶ Предлагаемая типология ориентирована на выявление сходства представляемого органа с обычными, материальными органами. Для решения других задач можно вводить другие признаки и на основании их выделять другие классы. Например, душа, совесть, разум и рассудок ассоциируются с речью (причем, душа - с внутренней речью, ср. *В душе он умолял ее остаться*; ср. также *голос совести (разума, рассудка)*). А память и воображение ассоциируются с образами (*В памяти всплывают образы. Воображение создает все новые и новые образы*).

Альтернативное решение состоит в том, что наивная анатомия, в том виде, как она здесь выявлена, представляет собой фрагмент некоей первобытной картины мира, некоего действительно примитивного представления об устройстве человека. Мы предпочитаем второе решение. Аргументируем свой выбор.

В рамках первого подхода приходится признать, что слово *душа* не является обозначением чего-то "настоящего" (пусть даже недоступного обычному зрению) - это всего лишь проявление одной из фундаментальных метафор. Такая интерпретация души безусловно противоречит тому, что, как известно, думали о ней на протяжении очень длительного времени носители целого ряда естественных языков. Кроме того, можно привести некоторые другие факты языка, которые вряд ли можно описать с точки зрения метафоры, но которые естественно интерпретируются в рамках второго подхода.

Первый пример - лексема *обезножить*, имеющая значение "лишиться способности ходить при наличии ног". В очень упрощенном виде корень *ног-* (в форме *нож-*) в этом слове обозначает не определенную часть тела человека (как, например, в слове *ноги*), а функцию этой части тела. Другой пример - устойчивые выражения *потерять голову (от счастья)*, *(У него) головы нет на плечах*, которые указывают на утрату или отсутствие способности понимать, соображать. Лексема *голова* в этих выражениях тоже обозначает не часть тела, а функцию, способность этой части тела. Аналогичным образом устроены высказывания типа *Он теряет пальцы* (например, о пианисте) - здесь речь идет не о пальцах как таковых, а об их подвижности, силе и т.п. Ср. также *Она теряет глаза* - речь идет о зрении, но не о глазах как таковых. Эти примеры подтверждают, что та или иная способность человека может мыслиться как функция какой-то части его тела (в данных случаях - видимой). На наш взгляд, в этой группе примеров сохраняются следы выявленного выше примитивного представления об устройстве человека.

Как бы ни была логична наивная анатомия, она, конечно, не присутствует в сознании современного носителя языка: мы *знаем*, что человек устроен иначе. Можно привести и чисто языковые данные, свидетельствующие о постепенном разрушении этого фрагмента наивной картины мира.

Слово *интеллект* - ближайший синоним рассматривавшихся лексем *ум*, *разум* и *рассудок*. Однако представление об органе в слове *интеллект* вряд ли выражено хоть сколько-нибудь отчетливо. Мы объясняем это тем, что *интеллект* - это не исконное русское слово, а относительно недавнее заимствование. Когда оно осваивалось языком, примитивное представление об устройстве человека уже было достаточно разрушено, и новое слово не могло освоиться по древнейшему типу. Аналогичным образом обстоит дело с относительно недавним заимствованием *фантазия* - представление об органе в этой лексеме гораздо слабее, нежели в ее исконном синониме *воображение*.

Теперь можно естественным образом объяснить то экзотическое несоответствие языкового поведения и языкового сознания, которое наблюдается при анализе данной группы слов. Дело в том, что вполне единообразная сочетаемость этих лексем обусловлена какими-то древнейшими представлениями об устройстве человека. Но эти примитивные представления практически вытеснены из сознания современного носителя языка более поздними знаниями анатомии, физиологии и психологии. Разрушение первоначальной картины мира и приводит к тому, что более гибкое языковое сознание говорящих перестает соответствовать их более консервативному языковому поведению.

Этими же причинами объясняется и диффузность лексического значения рассматриваемых слов. Действительно, теоретически во всех этих случаях могла бы иметь место обычная полисемия. Что же препятствует вычленению из данного диффузного значения полноценного, самостоятельного значения органа? Это, очевидно, современное обыденное, так называемое научное, или, точнее - школьное знание, бла-

годаря которому в сознании говорящих практически отсутствует представление о нематериальных органах – его можно лишь реконструировать на основании языкового поведения носителей языка. Исключение представляет собой душа. В языке сохраняется устойчивое предсхавление о ней как о чем-то нематериальном, но тем не менее "настоящем".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1974-Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
 Апресян Ю.Д. 1990 - Лексикографический портрет глагола *выйти* // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
 Апресян Ю.Д. 1995 - Образ человека по данным языка: попытка системного описания//ВЯ. 1995. № 1.
 БАС - Словарь современного русского литературного языка. Т. I - 17. М. - Л., 1948 - 1965.
 Мельчук И.А. 1974 - Опыт теории лингвистических моделей "СМЫСЛ $\Leftrightarrow$ ТЕКСТ". Семантика. Синтаксис. М., 1974.
 Пидучева Е.В. 1985. - Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
 Санников В.З. 1989 - Русские сочинительные конструкции. Синтаксис. Семантика. Прагматика. М., 1989.
 Синонимический словарь 1994. - Новый объяснительный синонимический словарь русского языка. Проспект / Научный руководитель Ю.Д. Апресян. М., 1994.
 Словарь Ушакова - Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1- ∞ . М., 1935 - 1940.
 ТКС 1984 - И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14. Вена, 1984.
 LakoffG., Johnson M. 1980. - Metaphors we live by. Chicago, 1980.
 Wierzbicka A. 1980. - *Dusa* (= soul), *toska* (~ yearning), *sud'ba* (- fate): three key concepts in Russian language and Russian culture // Metody formalne w opisie jezykow slowiariskich / Pod red. Z. Saloniego. Bialystok, 1990.
 Wierzbicka A. 1992. - Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configuration. N.Y., 1992.